

SOCIAL COMMUNICATION

УДК 82.091

Фокин Александр Алексеевич

доктор филологических наук, профессор

Дворникова Евгения Игнатьевна

доктор педагогических наук, профессор

Ставропольский государственный педагогический институт, г. Ставрополь

[DOI: 10.24411/2520-6990-2019-10737](https://doi.org/10.24411/2520-6990-2019-10737)

А.И.СОЛЖЕНИЦЫН — ЧЕЛОВЕК-ЛЕГЕНДА

Fokin Aleksandr Alekseevich

doctor of Philology, professor;

Dvornikova Evgenia Ignatievna

doctor of pedagogical sciences, professor

Stavropol State Pedagogical Institute, Stavropol

A.I. SOLZHENITSYN - THE LEGEND MAN

Аннотация

Статья отражает первый уровень постижения наследия и личности Солженицына в историко-функциональном аспекте. Представлен обзор наиболее популярных в читательской среде художественных и публицистических идеологем и мифологем восприятия биографии и творчества писателя. Заложены исследовательские перспективы функционирования произведений Солженицына в «большом времени», смены их интерпретаций и восприятия.

Abstract

The article reflects the first level of comprehension of Solzhenitsyn's heritage and personality in the historical and functional aspect. A review of the most popular in the readership of the artistic and journalistic ideologies and mythologies of the perception of the writer's biography and creativity is presented. The research prospects for the functioning of Solzhenitsyn's works in the «big time», the change in their interpretations and perceptions are laid.

Ключевые слова: историко-функциональный метод, Солженицын, интерпретация, творческая биография писателя, «большое время».

Key words: historical and functional method, Solzhenitsyn, interpretation, creative biography of the writer, «great time».

Когда произносишь имя Александра Исаевича Солженицына, задумываешься о двух вещах: о знаковости его творчества и знаковости его биографии — и понимаешь, что такие судьбы случайно не складываются. Это, несомненно, промысел Божий. Чтобы утвердиться в этой мысли, достаточно вспомнить хотя бы несколько эпитетов-ярлыков, которыми «наградили» его за полвека критики всех мастей и которые все эти годы сопутствуют его имени: «глава Диссиды» и «лидер Русской партии», «пророк России» и «лжепророк», «аятолла России» и «Великий инквизитор», «Сергий Радонежский» и «российский Лютер», «виновник краха СССР» и «идеолог русского возрождения». Эти ярлыки, несущие в себе и положительные, и отрицательные оценки роли и места А. И. Солженицына в мировом и российском масштабе, именно «сопутствуют», существуют в каком-то параллельном измерении, порождают мифы и легенды об этом великом человеке, великом «властителе дум».

Феномен Солженицына многими видится в соединении противоположных традиций «русской общественной мысли, русской духовности — демократической и консервативной, просветительской и религиозной» [6, с. 10], в нем как бы соединились в

одном лице Герцен и Константин Леонтьев, Достоевский и Толстой, Короленко и Бунин. Но что ярлыки, что сравнения! Главное, что эволюция его, и как писателя, и как мыслителя, неразрывна с его влиянием на общество, с переориентировкой общественного сознания «с внешних социальных проблем на более глубинные, духовные, экзистенциальные». Посему он чаще предстает в оценках критики «исключительным человеком», «совмещающим в себе опыт, талант и независимость от доминирующих тенденций века» [8]. Уникальность Солженицына, его смелость, его служение истине были, да и до сих пор остаются неожиданными для общества. Как писала критика, «никто вслед за ним не сумел признаться в правде, которая открывалась людям двадцатого века через урок, данный миру Россией» [6, с. 10].

А. И. Солженицын — человек-легенда. Такое уподобление его героям древних эпосов вполне оправданно. Роль по преобразованию, пресуществлению русской цивилизации XX века в некоторое другое качество, которую сыграл Солженицын, еще предстоит осознать, но то, что это человек Божий, которому по воле Его выпала эта роль, не подлежит сомнению.

А. И. Солженицын репрезентировал себя своеобразным медиатором между элитами и массами, Востоком и Западом, прошлым, настоящими будущим. И все это из осмысления знаковости и символичности своей собственной биографии. Может быть, его жизнь и есть то главное произведение, главное слово, которым Бог одарил нас в последнем столетии второго тысячелетия. Биография Солженицына захватывает собой почти весь XX век начиная с великой Гражданской битвы 1918 года, через великий голод, великие репрессии, великое идеологическое шельмование народа раем коммунизма-сталинизма 1930-х, через Великую Отечественную войну, ГУЛАГ, раковую болезнь, всемирную славу, Нобелевскую премию, 20-летнюю эмиграцию, триумфальное возвращение, информационную блокаду 1990-х и поклонение 2000-х годов.

Всю свою биографию, всю историю «русского столетия» он вписал в свои произведения, выступая ОДНОВРЕМЕННО и летописцем, и историком, и художником, и публицистом: «Август Четырнадцатого» — Первая мировая война; «Красное колесо» — революция; «Архипелаг ГУЛАГ» — 1920–1940-е годы; «В круге первом», «Раковый корпус» — 1940–1950-е; «Бодался теленок с дубом» — 1960–1970-е; сюда же относятся перлы его публицистики: «Образованщина», «Наши плюралисты», «Письмо вождям Советского Союза», Нобелевская и Гарвардская речи. Наконец, из прошлого и настоящего России он перешагнул в ее будущее своими программными политико-публицистическими манифестами 1990-х годов: «Как нам обустроить Россию?» (1990); «“Русский вопрос” к концу XX века» (1994); «Россия в ответе» (1998). Под занавес своей огромной, не по масштабам времени, а по масштабам исторической миссии, жизни в своем капитальном труде «Двести лет вместе» он предложил решение самого жгучего для судеб России и мира «еврейского вопроса».

Исторический фон большей части художественных и публицистических текстов А. И. Солженицына — это переломные, драматические события мировой истории. Но поданы они в большинстве своем, как принято говорить, на русском, российском материале. И в этом сила Солженицына-мыслителя, ибо ядро будущей цивилизации он видел только в пространстве православно-русской традиции. Ключ к этому мировосприятию писателя — в истинном, правильном и праведном русском слове. Именно оно адекватно вбирает в себя вербально невыразимый Русский Космос. Русский язык, по мысли Солженицына, способен отразить всякую самобытность и самобытийность цивилизации, он устремлен в выси правдоосознания и обретения Слова. Борьбой за чистоту русского языка пронизаны все произведения писателя. Программой его сбережения, например, предстает роман «В круге первом». Развиваются эти идеи в «Архипелаге ГУЛАГ», «Красном колесе», «Крохотках», во многих публицистических текстах. Суть ее проста: все, что противоречит «Словарю живого и великорусского языка» В. И. Даля, воспринимается и, как

правило, подается как губительное, ложное, опасное для судьбы и персонажей, и автора, и читатель, и страны. Итоговым манифестом А. И. Солженицына в этом плане стал «Словарь языкового расширения» (2007), направленный на расширение Российского Космоса, на борьбу с цивилизацией *креативной убогости*, в результате чего «растратили народную силу на ненужное внешнее» [17, с. 105], исключая «партнерские» отношения индивида и Бога, что «деформирует сознание национальное и наносит духовный ущерб внутреннему развитию» [16, с. 113], но способствующий организации общенациональной «жизни без лжи» [12, с. 6; 17, с. 89].

Проблемы содержания и языка были решены А. И. Солженицыным по-новому. Преобразования требовала и форма. И здесь одержало верх «величие замысла». Оценивая свое новаторство в области жанра, Александр Исаевич неоднократно подчеркивал, что «не ставил себе никогда задачи придумать что-нибудь новое, чего нет ни у кого. Но от XIX века изменился темп нашей жизни, значит, и темп чтения, темп восприятия, темп мысли, поэтому невозможно писать так разреженно, как в XIX веке». В другом интервью А. И. Солженицына читаем: «Я должен комбинировать жанры. Не считаю, что я открыватель чего-то нового, но и не традиционалист, — я только каждый раз думаю, как эту задачу решить лучше всего, как наиболее рельефно подать читателю этот материал» [18, с. 475]. Свой жанр он скромно определил, как «опыт художественного исследования». Но сама жизнь, сама русская история подсказали такой творческий метод, которым этот «опыт» постигался, такую разновидность эпоса, где был максимально синтезирован и воплощен и гений математика, и гений историка, и гений художника слова, и гений мыслителя.

В каждом произведении А. И. Солженицын предстает и литератором, и художником, и публицистом, широта и глубина проблематики его произведений имеет и социальные, и национальные корни, его художественно-философская мысль обогащена контекстом мировых идей и образов, включает духовный опыт прошлого в культуру современности, подвергает новым испытаниям вечные истины. У гуманистичеков в ходу такая фраза: «использована широкая, масштабная источниковая база». Главное в методе Солженицына — «предоставление слова» всей этой «базе» — современникам событий, их участникам, фактам и их полярным оценкам. Это приводит к обильному цитированию, но для читателя, действительно стремящегося к пониманию проблемы, такой метод дает многое, так как погружает в эпоху, в проблему. Именно отсюда его «экранный текст» и «узловое письмо», о которых так много уже сказано литературоведами. Отсюда новый тип эпичности, сам принцип эпического повествования, где «мерный, загадочный ход» русской истории в XX веке — эпохе, определенности которой — в национальной катастрофе России, — постоянно вопрошается, комментируется, укрупняется автором. Эпический масштаб приобретает сама мысль писателя, а явная или

скрытая полемика связана со стремлением обрести философскую свободу, выход «из-под глыб».

Герои его произведений апеллируют к идеям разных философских школ и направлений. Споры и дискуссии на страницах его книг — обычное состояние людей, доискивающих до истины. Солженицын обращается к системам ценностей античной философии, к даосской этике, к философии Вед, к идеям раннего Возрождения. Имена Пиррона и Марка Аврелия, Аристотеля и Платона, Сократа и Эпикура, Монтеня и Бэкона, Декарта и Маркса и многих других естественно сосуществуют в его текстах. Не забыта им и русская мысль с ее идеей правды, отрицанием лжи, призывами к «самостоянию человека», самоограничению, подвижничеству. Национальная духовная традиция присутствует в его книгах разветвленно, не ограничиваясь узкими идеологемами — от автора «Слова о полку Игореве...» до Пушкина и В. Соловьева. Он вызволил из забвения слова «подвижник» и «праведник», характерные для фольклорно-христианской традиции и принципиальные для русской классической литературы, наполнил их реальной жизнью. Подвижник как нравственный идеал важен для Солженицына сознанием своей личной ответственности, героизмом духа, нравственностью: «Героя создает случай, праведника — ежедневная доблесть». У него без праведника не стоит ни село, ни город, ни вся земля наша.

Все творчество А. И. Солженицына можно назвать эпосом, которому нет равных, по крайней мере, в русской литературе. Круг имен и ситуаций, фактов и пророчеств, возникающих при чтении его произведений, позволяет увидеть картину исторических десятилетий в стране, воспринимаемых как бедственные десятилетия, перемальвающие с одинаковым хрустом и слабые, и сильные личности. Каждым своим словом он учит преодолевать зависимость от людей корыстных, мелких, но волею судьбы наделенных властью диктовать, требовать, ставить условия, вынуждающих уступать и переделывать, идти на компромисс с собственной совестью, но при этом он учит прозревать вековую ретроспективу и перспективу истории России.

Человек, по мысли Солженицына, несет в себе Божий огонь и достоин свободы. Формы его сопротивления насилию различны. Это и побеги из лагерей, и восстание, и современное юродство. Даже такой герой, как Сологдин («В круге первом»), выходец из дворянской семьи, ненавидевший революцию как «бунт раззадоренной завистливой черни», в ее «беспощадной прямолинейности и неустающей энергии» чувствовал родное [13, т. 1, с. 202]. А Петя Кишкин в «Архипелаге ГУЛАГ» — современный шут — дурачком был «ровно столько, сколько младший Иванушка из сказки» [13, т. 7, с. 87]. Императивом вольной души Солженицын считал мысль А. П. Чехова: «Если арестант — не философ, то не хотеть бежать он не может и не должен» [13, т. 6, с. 217]. Побег из лагеря Солженицын называл «предначертанием», «изломом судьбы», выходом народа из рабства («Архипелаг

ГУЛАГ»). Но дороже всего писателю идеал нравственной и духовной свободы. Воплощением такого идеала стал Глеб Нержин («В круге первом»), «арестант пятого года упряжи», поднявшийся на такую ступень развития, когда «плохое уже начинает рассматриваться как хорошее». Он благословляет тюрьму, которая дала ему задуматься. Проявлением «здоровой духовной жизни» считает сожаления Л. Н. Толстого, что не посидел в тюрьме. Закон жизни усматривает Солженицын в разрушительной силе довольства, убивающего в человеке духовные поиски [13, т. 6, с. 303]. Материальные дары, погоня за призрачным — имуществом, званиями — и делают человека трусливым [13, т. 5, с. 410]. В этом его идеи восходят к христианским заветам — не собирать на земле сокровищ [Мтф. 6, 19], но сама нравственная оценка человеческой свободы связана с социальным анализом действительности. Герои Солженицына, как правило, сильные люди, обладающие большим духовным потенциалом и способные к волевому поступку. Их внутренний мир свободен от внешних обстоятельств. Личность у Солженицына обладает своим нравственным законом. Его герои сами выбирают свою роль в событиях. Именно таков Глеб Нержин («В круге первом»), который хоть и предстает несчастным человеком, тем не менее счастлив в своем несчастье. Он испывал его, как родник, он вызнал в шарашке тех людей и те события, о которых на Земле больше нигде нельзя было узнать, и уж, конечно, не в покойной сытости домашнего очага. С молодости больше всего боялся Глеб погрязнуть в повседневной жизни и свои неудачи рассматривал «как необходимость дальнейшего приложения усилий и сгущения воли». Он сосредоточивался на познании истины о революции, посвятив свою жизнь «одной большой страсти». Лагерная жизнь гнула его. «Но он сознательно вел себя к той грани, за которой себя не жалко» [13, т. 1, с. 237]. Признание превосходства духовного начала в человеке и презрение к телу как нельзя более сближают Солженицына с чаяниями русской религиозной философии с ее идеями подвижничества и свободы «как способа быть и действовать», а особенно с доктриной душевной свободы И. А. Ильина, которая выражается в национальном укладе, в особом просторе, «объемности и всеоткрытости» русской души [4, с. 57–8].

Несмотря на эпичность творчества, по мнению большинства критиков, наиболее сильная сторона Солженицына-мыслителя — его публицистика. Так, в его статьях 1970-х годов привлекает внимание характеристика русской интеллигенции, с ее подвижничеством и часто наивным романтизмом, а в «Наших плюралистах» и «Образованщине» — качества интеллигенции советской, ее цинизма, презрения к собственному народу и искреннего желания послужить подстилкой для любой власти. Эти работы писателя заслуживают того, чтобы изучаться в школе, то есть, как уже было некогда сказано А. А. Ахматовой об «Одном дне Ивана Денисовича», должны быть прочитаны каждым русским человеком, каждым россиянином.

В публицистике 1990-х Солженицын выступает как русский православный мыслитель. При всем своем идеализме он совершенно реалистичен: нет ничего более реалистического, чем глубинные — генотипические — отношения народа к Богу, к власти, к труду и богатству, к войне и любви... А. И. Солженицын касается многих проблем нашей цивилизации — хозяйства, политики, устройства государственных органов и т. п., но на переднем плане у него всегда русский человек, на котором держится Святая Русь и который каждый день как бы заново принимает свое бытие от Бога, а это значит, что еще духовно жив.

«История — это мы сами...», — писал Солженицын в предисловии к сборнику «Из-под глыб». К идее национальной судьбы, к мыслям о настоящем и будущем своего народа писатель возвращался постоянно, о чем бы он ни писал. Обращаясь к началам бытия, дающим возможность понять современность, писатель ориентируется на русский северо-восток как дом, сохраненный нам историей, который нужно осваивать.

Выдвигая в своих произведениях проблему государства и религии, Солженицын делает вывод о спасении христианского просвещения «истерзанной и издыхающей Россией» и открыто полемизирует с оппонентами, хулящими Православную Церковь за неспособность противостоять государству и защитить народ. Солженицын не отождествляет религию с церковью. Отношение к последней у него неоднозначно. Православный деятель, обладающий большим христианским опытом, он призывает Церковь к активности, к отказу от компромиссов с властями, унижающими ее, тормозящими ее развитие. Поэтому силу Солженицына-писателя и Солженицына-публициста многие критики и исследователи усматривают в религии, «движущей его естеством, сознанием и духом. И через его произведения неведомыми путями — нашим сознанием и духом» (В. Астафьев) [7].

Будущему России Солженицын задает очень высокую планку, которую невозможно подладить под ту или иную идеологию: «Мы должны строить Россию нравственную — или никакую, тогда и все равно» [17, с. 109]. Но ставит его (это будущее) в зависимость от «духовного и телесного спасения нашего же рода» [12, с. 6], связывая возможности национального очищения и оздоровления с раскаянием и самоограничением [15, с. 26]. Идея национального же возрождения была сформулирована им еще в статье «На возврате дыхания и сознания» (1969), написанной по поводу трактата А. Д. Сахарова «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе» (1968). Принципиальной позицией Солженицына стала оценка государственной жизни «этической шкалой», «этическими суждениями о малой группе лиц». Чувства, побеждающие в людях данного общества, становятся «нравственной характеристикой уже всего общества». Поэтому раскаяние и самоограничение являются условием духовного роста каждого человека, и «каждого направления общественной мысли», и всей нации [15, там же].

Из всех великих провидческих идей А. И. Солженицына именно идея народосбережения оказывается наиболее востребованной в России начала XXI столетия. Она актуализируется представителями не только идейно близких к нему движений и союзов современного общества, но и на самом высоком уровне: от посланий президента Федеральному Собранию до стержневых программных тезисов всех политических партий России.

В содержании романов, рассказов и очерков А. И. Солженицына можно отметить небывалый для художественной литературы масштаб использования публицистических элементов, огромное количество политических сюжетов и обобщений. Тщательную разработку в многогранном наследии писателя получили такие проблемы России, как федерализм и федерация, нации и национальная политика, территория как элемент государственности, партийная система, механизм осуществления разного типа власти, местное самоуправление и его формы, евразийство, западничество и славянизм. В рассмотрении всех этих и многих других проблем он выступает аналитиком высочайшего уровня.

Одной из главных для Солженицына в этой связи стала борьба с утопической идеей коммунизма. Корневой она стала, например, в романе «В круге первом» — в спорах его главных персонажей Нержина и Рубина. Полемика с хилиастическими идеями коммунистов, с идеологической утопией о светлом будущем совершается в творчестве Солженицына в «диалоговом режиме». Художественный мир писателя открыт. Его представления и концепции живут, по М. Бахтину, в смысловом контексте «большого времени». Его любимые герои, вроде Нержина, идут от начала начал, глядяываясь на 27 веков назад, к созданию Рима, появлению Христа, «до наших захватывающих высот». В споре о заблуждениях человечества он не оставляет без внимания ни одну концепцию, профессирующую «знание конечной цели движения человечества» и программирующую народы и личности, показывая тем самым, что в каждую новую эпоху вопрос о цене будущего вставал снова и снова. Показательны здесь слова Варсонофьева из романа «Август Четырнадцатого», который в беседе со студентами, отправлявшимися на фронт, сказал: «Молясь на народ и для блага народа всем жертвуя, ох, не затопчите собственную душу». В этой реплике и авторское сомнение в ценности идеи жертвенности, поскольку обязанности самого народа никак не выявлены, а для человека «нет ничего дороже строя его души, даже благо через-будущих поколений».

Публицистическая полемика Солженицына строится по такому же принципу и на тех же основаниях. В очерках «Бодался теленок с дубом» он показывает драму раздвоенности А. Т. Твардовского, разрываемого на части двумя правдами — партийной и истинной, которые он никак не мог соединить. В мышлении великого поэта не совмещались понимание высокой самоценности искусства и следование партийным принципам. Свое расхождение с ним Солженицын считал расхождением идео-

логий, «расколом двух литератур» — русской и советской. Твардовский «предан был русской литературе, ее святому подходу к жизни, но всеми и всюду была признана и в каждого внедрена... другая, более важная истина — партийная» [9, с. 22]. В противоречиях, «затемнениях и просветлениях» видел Солженицын «истерзанную жизнь» Твардовского.

Опыт постижения литературного процесса 1960–1970-х, представленный в «Бодании теленка», гораздо глубже. Противостояние понятий «русский» и «советский», увиденное Солженицыным в жизни и литературе, — еще одна «важнейшая истина», которую он открыл миру [20].

Говоря об официальных ценностях, представляемых властями, составляющими государственную политику, Солженицын противопоставляет им ценности христианские — страдание и сострадание. Многое сказано Солженицыным в «Архипелаге ГУЛАГ» об этической ценности страдания, когда человек, поставленный в противостояние со своим горем, должен вместить его в себя, «освоиться с ним и переработать его в себе, а себя в нем». Сталкивая две тенденции общественной и нравственной жизни — разрушительную и эволюционную, классовую и общечеловеческую, — Солженицын развенчивает в своем творчестве идею святости освободительной традиции в русском обществе, развенчивает героизм революции. И «Архипелаг ГУЛАГ», и «Красное колесо» пронизаны пафосом разоблачения революции и самой идеи революционерства, идущей еще от декабристов, мыслью о катастрофичности революции, ведущей к вырождению и уничтожению народа [19, с. 49].

В эссе 1990 года «Как нам обустроить Россию?» Солженицын подвел горький итог разрушительных последствий владычества в обществе утопических идей, которые лишили народ «своего былого изобилия», духовного и телесного здоровья, бросили его в «провал измощающей болезни» [5, с. 2]. Особого внимания в этой работе заслуживает отрицание Солженицыным федеративного построения России с субъектами национально-территориального типа. Федерализм, как он справедливо считает, навязанный большевиками, оказался уже и еще проявит себя как мина замедленного действия под российской государственностью. Не исключено, что его дальнейшее использование уже в обозримой исторической перспективе развалит Российскую Федерацию. Нельзя не согласиться с Александром Исаевичем в том, что от угрозы перерастания национальных интересов в политический сепаратизм необходимо избавиться как можно скорее, в том числе путем возврата к губернскому устройству страны, не имеющему национальной основы.

Любая публикация А. И. Солженицына (будь то роман или публицистическая статья) всегда находила горячий отклик в критике. Однако та же критика часто сетует на то, что произведения писателя не прочитаны русским обществом, а идеи самого писателя часто подменяются интерпретациями (не всегда доброкачественными) политологов

и иных чудаков от идеологии. Эта проблема всегда волновала и самого Александра Исаевича, но беспокоило его также и то, что люди вообще перестали читать серьезную литературу, русскую классику. Так появился его критико-публицистический цикл «Литературная коллекция». Определяя цель ее опубликования, он писал, что «делал это — для себя, без мысли о печатании. Но, видя вот, как ныне выглаживается память о многих примечательных наших книгах, склонился напечатать иные из этих заметок, однако уже ничего не меняя в них» [10, с. 195].

Для «Литературной коллекции» А. И. Солженицына характерна такая черта писательской критики, как вхождение в творческий процесс других писателей, что позволяет тонко улавливать их индивидуально-творческую неповторимость. Внутри каждого очерка «коллекции» выделяется такая особенность писательского почерка, которая определяет ход размышлений А. И. Солженицына. Это либо особенность стиля автора, либо особенность стиля произведения. Да и выбор писательских имен и произведений он демонстрирует неординарный. Здесь и «Голый год» Бориса Пильняка, и «Смерть Вазир-Мухтара» Юрия Тынянова, и «Петербург» Андрея Белого, и «Солнце мертвых» Ивана Шмелева, и рассказы Пантелеймона Романова, и романы, и повести Александра Малышкина, и проза Евгения Замятина, и произведения А. П. Чехова, и стихи Иосифа Бродского, и многое другое.

А. И. Солженицын при многообразии индивидуальных подходов строит свои размышления о творческом процессе избранного автора, используя устойчивую структурную и смысловую модели. План рассмотрения произведения «сконцентрирован вокруг основного тематического ядра», а также смыслового ядра произведения. А. И. Солженицын совершает попытку «войти в душевное соприкосновение с избранным автором», пытается проникнуть в его «святая святых», тем самым открывая и свою творческую мастерскую. В статьях и эссе «Литературной коллекции» он вступает в *сотворчество* с автором анализируемого произведения, чувствует откровенно слабые и сильные стороны рассматриваемых текстов. Проникая в авторский замысел, совершает попытки «домыслить», «пересмыслить» некоторые детали, фрагменты произведений. Избирая автора по критерию талантливости и думая об изображенных им сторонах жизни, Солженицын в связи с каждым читаемым произведением развивает свои мысли о человеке, обществе, о высших ценностях жизни, вводя их в контекст своих постоянных дум о прошлом и настоящем России.

Каждая статья «Литературной коллекции» — это спор писателя с писателем. Спор на равных. Спор и эстетический, и политический, и исторический, и религиозный.

Вспомним, например, какую бурную реакцию вызвала статья А. И. Солженицына «Иосиф Бродский — избранные стихи. (Из «Литературной коллекции»)» [11]. Его обвинили в расколе русской

культуры, в том, что он взял «цель на уничтожение», на «отстрел врага» [3, с. 297], в том, что он попал в «западно идолизацию Добра» [2]. На самом же деле обличительно-нравоучительный тон критиков Солженицына, их оценочные противопоставления нобелевских лауреатов: «Сальери — Моцарт», «гигант — титан» и, даже жестче, «семи́т — антисеми́т» — кажутся мелкими по сравнению с предметом, на котором сосредоточено творчество и Бродского, и Солженицына. Предмет этот — смысл бытия человека. «Меня заботит метафизический потенциал человека», — говорил И. Бродский [1, с. 511]. Солженицын заставляет своего читателя максимально отчетливо, последовательно и ответственно осмыслить тот «опыт борьбы с удушьем», который дал Бродский и который имеет общечеловеческое значение. На этом уровне и идет спор.

Главная тема спора А. И. Солженицына с писателями-предшественниками и писателями-современниками лежит в русле антиномии добра и зла, традиционной не только для русской литературы, но и философии. Более всего он полемизирует в этом плане с писателями XX века А. Твардовским, В. Дудинцевым, В. Гроссманом, С. Залыгиным, В. Астафьевым, Ю. Домбровским, В. Тендряковым. Прежде всего, Солженицын не принимает относительности понятий добра и зла. XX век оказался, по его мнению, жестче предыдущего, потому что человеческий мир разорван «пещерными чувствами» жадности и зависти, принявшими «приличные псевдонимы вроде классовой, расовой, массовой, профсоюзной борьбы» [14, с. 141].

Если романы А. И. Солженицына — это учебники по истории, а публицистика — по философии и обществознанию, то литературная критика — поистине инновационный учебник по русской литературе. В этом «учебнике литературы» каждый школьник или студент (полезность его преподавателям литературы аксиоматична) обнаружит, на наш взгляд, самое главное, чего недостает многим учебникам литературы, — правду. А правда, как известно, исключает лесть и предвзятость, чем грешат не только современные учебники, но и те, что принято называть классическими.

Выдвинутые в разное время А. И. Солженицыным идеи модернизации российского государства и общества пока, действительно, во многом не востребованы. В полной мере использована только системная критика им советского строя, использованная в момент его разрушения. Предложения, ориентированные на создание чего-то нового, пока не пригодились. Как, впрочем, не пригодились интеллектуальные искания В. Ключевского, С. Платонова, С. Соловьева, О. Левицкого, Г. Успенского, Л. Тихомирова и других русских мыслителей, на извлечении неложных, подлинно здравых и патриотичных уроков из опыта прошлого, на которых он во многом строил свою концепцию. В этом нет вины Солженицына. Реальная действительность

современной России, будучи подвластной его прогнозу, оказалась неподвластной его воле, его идеям. Ибо не умом живет Россия, а все как-то сердцем, сердцем...

Было бы ошибкой думать, что не видел и не понимал А. И. Солженицын, как «трудно быть в России писателем», «как трудно в России достучаться до читателя». Не до конца понятый, неглубоко прочитанный и ждущий еще своего заинтересованного читателя-исследователя, читателя-деятеля, А. И. Солженицын тем не менее велик и как писатель-первопроходец, стремившийся запечатлеть правду, и как человек-легенда, убедивший нас своей жизнью в несостоятельности зла, в нерушимости веры, в непоколебимости истины.

Список литературы

1. *Бродский И.* Наглая проповедь идеализма: Интервью Д. Бетеа // Бродский И. Большая книга интервью / Под ред. И. Захарова и В. Полухиной. — М., 2000.
2. *Ефимов И.* Солженицын читает Бродского // Новый мир. — 2000. — № 5.
3. *Иванова Н.* «Меня упрекали во всем, кроме погоды...»: Александр Исаевич об Иосифе Александровиче // Бродский и мир. Метафизика. Античность. Современность. — СПб. 2000.
4. *Ильин И. А.* Одинокий художник. — М.: Искусство, 1993.
5. Комсомольская правда. — 1990. — 18 сент.
6. *Лесневский С.* Выступление в дискуссии «Год Солженицына» // Литературная газета. — 1991. — № 8.
7. Литературная газета. — 1990. — 26 окт.
8. Литературная газета. — 1990. — № 7.
9. *Солженицын А. И.* Бодался теленок с дубом // Новый мир. — 1991. — № 6.
10. *Солженицын А. И.* Из «Литературной коллекции» // Новый мир. — 1997. — № 1.
11. *Солженицын А. И.* Иосиф Бродский — избранные стихи. Из «Литературной коллекции» // Новый мир. — 1999. — № 12.
12. *Солженицын А. И.* Как нам обустроить Россию? Посильные соображения. — М., 1991.
13. *Солженицын А. И.* Малое собр. соч. — М.: Инком НВ, 1991.
14. *Солженицын А. И.* Нобелевская лекция // Новый мир. — 1989. — № 8.
15. *Солженицын А. И.* Раскаяние и самоограничение как категории национальной жизни // Новый мир. — 1991. — № 5.
16. *Солженицын А. И.* Россия в обвале. — М., 1998.
17. *Солженицын А. И.* «Русский вопрос» к концу XX века. — М., 1995.
18. *Солженицын А. И.* Собр. соч.: В 9 т. — М., 2001. — Т. 7.
19. *Солженицын А. И.* Черты двух революций // Новый мир. — 1993. — № 4.
20. *Тимофеев Л.* Наивная формула свободы // Известия. — 1996. — 9 авг.